

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

В соавторстве

с Андреем Кружом

**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Цикл «РЕЗОНАНС»

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР
НЕГАТИВ. АТТЕСТАЦИЯ
НЕГАТИВ. ЭСКАЛАЦИЯ
МОСКИТ. МОБИЛИЗАЦИЯ**

Часть первая

ДЕВИАЦИЯ

ГЛАВА 1

Глухая железная дверь, за ней длинный коридор с редкими тусклыми электролампочками под потолком, дальше — решетка. Только подошел к ней, и сразу щелкнул замок. В тесной комнатухе дежурили два вахтера с шоковыми дубинками, оба — операторы.

Я предъявил служебное удостоверение, получил ключ с биркой, макнул стальное перо в чернильницу, расписался в журнале регистрации и отправился в раздевалку.

Внутри шкафчика за номером тринадцать обнаружили свернутую спецодежда, пустая полочка и на боковой стенке три крючка, на один из которых были нацеплены деревянные плечики — небольшое преимущество начальника караула.

Я повесил на свободный крючок кепку, выложил на полочку ключи, бумажник и выкидной нож, после отщелкнул карабин цепочки карманных часов, убрал их туда же. Разулся и поставил внутрь парусиновые туфли, сложил по стрелкам и повесил на перекладину плечиков брюки. Сверху устроил рубашку с коротким рукавом. На смену повседневной одежде пришли рубаха из плотной ткани и синий рабочий комбинезон, кеды и кепи.

После я взглянул на висевшие над дверью часы и покинул раздевалку через вторую дверь. За ней — длинный полутемный коридор и очередная караулка с вахтерами. Дежурный отметил в журнале время, я поставил очередную подпись, навалился на глухую металлическую дверь, с натугой распахнул ее и шагнул в отстойник.

Именовался так отнюдь не только огороженный со всех сторон высоченными стенами двор с плацем и навесами, а вся территория подготовительного факультета Республиканского института исследования феномена сверхэнергии. Официально это обособленное учебное подразделение числилось интернатом закрытого типа, но отстойник — он отстойник и есть.

Именно сюда помещались все прошедшие инициацию в Эпицентре соискатели, коим повезло уложиться в стандарты РИИФС. Кто-то почти сразу переводился в студенческие общежития, кто-то задерживался тут на семестр или даже на весь первый курс. Не обходилось и без отсеянных по причине асоциального поведения или проблем с психикой, этих преимущественно отправляли в инженерный дивизион ОНКОР — прокладывать просеки и расчищать обочины дорог. Поговаривали и об отстойнике внутри отстойника, где содержались до полной потери сверхспособностей серьезно проштрафившиеся студенты, не достигшие в своем развитии пика румба, но меня на дежурство туда не ставили — ни подтвердить эти слухи, ни опровергнуть их не могу.

До начала смены оставалось еще четверть часа, но лавочки под навесом не пустовали. Я прошелся, пожимая руки шапочно знакомым коллегам, огляделся и не заметил никого из своих подчиненных, один только Матвей Пахота размеренно подтягивался на турнике.

Формально причиной его временного перевода из штурмового взвода комендатуры послужила необходимость усилить наше звено, но, как пояснил сам здоровяк, таким образом его намеревались натаскать на работу с людьми.

— Какая-то блажь Дичку в голову взбрела! — пожаловался мне тогда Матвей. — Что значит, с людьми работать не умею? Чего там уметь-то? Зашел в адрес, всех мордой в пол уложил, вот и вся работа! А тут никого и пальцем тронуть нельзя! Ерунда какая-то!

Я участливо покивал в тот раз, прекрасно понимая, что громила попросту выпускает пар. Нашему куратору с военной кафедры института — Василию Архиповичу Дичку куда больше подошла бы фамилия Бычок, очень уж мощным сложени-

ем он отличался, да и силушкой обижен не был. Матвей, такое впечатление, его слегка побаивался. Его да еще своего наставника по рукопашному бою. Взводного и того он скорее просто уважал.

— Жарко будет, — заявил Пахота, приложил ко лбу ладонь и глянул в пронзительно-синее небо, где выписывал фигуры высшего пилотажа аэроплан какой-то новой конструкции. — Ни облачка!

— Август же! — хмыкнул я, подпрыгнул, ухватился за перекладину и в быстром темпе подтянулся два десятка раз.

Матвей тяжело вздохнул, вытер лицо и шею, отошел к брусам, а там и мое звено подтянулось. Карла, Яна и жилистого боксера Костю сюда направили от военной кафедры для прохождения летней практики, и это задание студентов отнюдь не воодушевило. Одно дело территорию кампуса патрулировать, где все друг друга знают, и совсем другое — за вчерашними соискателями приглядывать. Тут никогда наперед не скажешь, что эти оболтусы отчебучат из хулиганских побуждений или просто по недомыслию.

— Пьер! — поприветствовал меня Карл, который на фоне Матвея больше не казался таким уж здоровяком. — В курсе, куда нас сегодня поставят?

— Не-а, — покачал я головой. — Распределения еще не было.

Мои слова никого особо не порадовали, разве что Костя усмехнулся:

— Да какая разница? К девчонкам все равно не отправят!

— Нельзя мне к девчонкам, — заявил в ответ Карл и широко зевнул. — Мэри узнает — всю душу вынет.

— Подкаблучник! — насмешливо фыркнул Ян. — И ты, Костя, неправ! Разница, куда направят, есть, и большая: одно дело в учебном корпусе дежурить, где тишина и спокойствие, и совсем другое — на спортивной площадке драки разнимать. На таком-то солнышке! Да и городские поспокойней деревенских. Петь, просись в блок с городскими, если выбор будет.

— Тут как повезет, — покачал головой Костя. — Среди городских всякие попадают.

— В городах благонадежность соискателей нормально проверяют. Если проблемы с законом имелись, отсеивают. А в деревнях гребут всех подряд. Там только рады от своего хулиганья избавиться, а дальше хоть трава не расти.

— Не бухти, Жан! — отмахнулся от приятеля Карл и спросил: — Пьер, ты на тренировку по свержболу идешь?

Я пожал плечами.

— Не знаю еще. Как получится. Меня сегодня на пик витка выводить будут.

— О, поздравляю!

— Да не с чем пока.

— Брось! Осложнения всегда на первом этапе проявляются. После экватора все как по маслу идет.

Я вздохнул. Не знаю, как другим, а мне по мере приближения к пику витка далеко не каждую неделю удавалось нарастить длительность резонанса вроде бы на жалкую секунду. Пришлось даже курс продлить и на более мощные препараты перейти. Ладно хоть рассрочку на все время обучения в институте растянули. Ну да — теперь я не вольный слушатель, а полноценный студент. Пусть и к военной кафедре приписан целевиком, будто крепостной, но все же, все же...

Появился дежурный, и начальники караулов поспешили к нему на инструктаж и за назначениями.

— Линь? — прозвучало под конец. — Столовая блока эм-гэ-семь-пять. Следующий!

Я махнул рукой подчиненным и двинулся к входу на территорию отстойника.

Карл первым нагнал меня и спросил:

— Ну и?

— В блок к городским, все как ты хотел.

Озвученная дежурным буквенно-цифровая абракадабра расшифровывалась предельно просто: нас отрядили в столовую блока, где проживали горожане мужского пола с полным пятилетним образованием, прошедшие инициацию на седьмом витке.

Ян показал мне большой палец, и Матвей предупредил студентов:

— Не расслабляйтесь.

Карл снял с головы шляпу и принялся обмахивать ею раскрасневшееся лицо.

— Брось, Мэтью! — фыркнул он, не приняв это предупреждение всерьез.

— Не расслабляйтесь, — повторил громила, после добавил: — И зови меня — Матвей.

Студент вновь фыркнул, а вот я с бывшим сослуживцем был всецело согласен. Операторов, отучившихся полный семилетний курс или тем паче получивших гимназическое образование, давно расселили по общежитиям, да и окончивших пять классов абитуриентов в отстойнике оставалось не так уж и много. Значит, наш сегодняшний контингент в той или иной степени проблемный. Ну или как минимум — сомнительный; сто к одному, проштрафившихся операторов из разных групп собрали. Прав Матвей: расслабляться не стоит.

Впрочем, и особых причин для беспокойства я покуда тоже не видел. Проблемные — не проблемные, разберемся. Опять же в отстойнике лишь на первый взгляд все примитивно, как рельс, устроено, на деле абитуриентов опекали сразу по нескольким направлениям. К примеру, земляков неизменно раскидывали по разным корпусам, с самых первых дней обучения заставляя принять тот простой факт, что теперь для них весь мир делится на тех, кто обладает способностью управлять сверхэнергией, и всех прочих.

Мы прошли мимо футбольного поля, на котором, несмотря на ранний час, уже гоняли мяч два десятка парней, и двинулись по центральному проезду, ориентируясь на указатели. Навстречу протопала колонна шагавших не в ногу абитуриентов, растрепанных и заспанных. Дальше попались навесы, под ними на уложенных рядками циновках медитировали три десятка начинающих операторов.

Созерцательным практикам в институте уделялось несравненно больше внимания, нежели на курсах в комендатуре или в среднем специальном энергетическом училище, но только лишь ими обучение в отстойнике конечно же не ограничивалось. Вот и сейчас я прекрасно ощущал доносившиеся со стороны здешнего полигона всполохи сверхэнергетических помех.

Территория нужного блока была огорожена не столь уж высоким забором, комендант направил нас в распоряжение дежурного по столовой, но перед тем уточнил:

— На связи от вас кто?

Ян поднял руку, прикоснулся двумя пальцами к виску, на миг зажмурился и отрапортовал:

— Связь установлена!

Удержаться от завистливого вздоха удалось с превеликим трудом: сам-то на такие штучки был неспособен категорически. И просто связаться с другим оператором не мог, а уж подсознательно контролировать ментальный канал и подавно. Впрочем, остальные в этом плане от меня недалеко ушли, и даже Ян всякий раз после дежурства жаловался на головную боль. Хорошего мало, зато, если аналитики уловят связанные с применением сверхспособностей энергетические возмущения в нашей зоне ответственности, узнаем об этом тотчас, без малейшего промедления. Это в обычной ситуации я и без всяких аналитиков помехи не пропущу, а здесь начинающих операторов, которые толком свои новые способности еще не осознают даже, как селедок в бочку набили, тут от энергетических искажений не только мигрень заработать можно, но и что похуже.

Именно поэтому сразу после разговора с дежурным по столовой я занялся тонкой настройкой заземления. Мой внутренний потенциал был набран в противофазе, что до предела повышало чувствительность, пришлось дополнительно отгораживаться от энергетического фона и выискивать баланс, при котором я продолжал ощущать создаваемые сверхсилой помехи, но едва-едва, дабы ясновидение не ошкуривало нервную систему почище наждачной бумаги.

Если уж на то пошло, я бы предпочел дежурству в столовой наряд на спортивную площадку. Там то густо, то пусто — получилось бы и дух перевести, и на снарядах позаниматься, а здесь операторы сплошным потоком идут, в туалет сбегать и то проблема. Прием пищи у всех групп по времени разнесен, у одних поздний завтрак заканчивается, у других уже обед начинается.

Карла и Матвея я поставил контролировать раздачу, где с завидной регулярностью вспыхивали ссоры из-за мест в очереди, Яна отправил дежурить на входе. Он в случае необходимости должен был подстраховать у рукомойников Костю — там тоже частенько стычки случались. Ну а сам начал фланировать по залу. Был тот неизменно набит под завязку, но времени на прием пищи операторам давали в обрез, преимущественно обходилось без ссор.

Изредка кто-нибудь что-нибудь ронял, но посуда была сплошь из нержавейки, собирать осколки не возникало нужды. Единственными приборами из стекла были солонки, вот одна такая и скакнула с пустого стола, когда проходил мимо, и не упала на пол, а полетела точнехонько мне в затылок.

Откалиброванное в начале дежурства ясновидение резануло голову зигзагом незримой молнии — очень уж неряшливо сработал хулиган, слишком много помех породил преобразованием сверхсилы в кинетическую энергию. Солонки я не увидел, просто осознал случившееся в окружающей обстановке изменение и совершенно машинально нейтрализовал импульс метательного снаряда, потратив на это малую долю своего потенциала.

Стекланная посудина с никелированной крышкой ухнула вниз, и вновь я погасил ее скорость, а заодно вывел из-под действия силы тяжести, заставив зависнуть в десяти сантиметрах от пола. Развернулся, и солонка сама собой прыгнула в раскрытую ладонь. Это воздействие далось куда сложнее предыдущих, но не сплеховал, произвел впечатление на зрителей. А смотрели на меня сейчас решительно все собравшиеся в столовой операторы, даже о еде забыли. Раньше бы подобным вниманием смутился, ну а теперь просто к сведению принял. Дело житейское.

Я вытянул руку и поставил солонку на ближайший стол, огляделся. От раздачи уже спешил Матвей, а вот обедавшие в дальнем углу наставники вмешиваться не торопились, отдав ситуацию мне на откуп. Медлить я не стал, на миг сосредоточился и восстановил порожденный ясновидением росчерк, после двинулся по проходу, чтобы почти сразу остановиться

перед веснушчатым пареньком, следившим с разинутым ртом за моим приближением.

— Твоя работа? — поинтересовался я у него.

Тот отчаянно замотал головой, но тут же взял себя в руки, глянул на товарищей и объявил:

— Она сама полетела! Все видели!

— Сама? — Мысль эта мне понравилась, и я будто невзначай оперся обеими руками на край стола. — Возможно. Само по себе чего только не случается!

При физическом контакте у меня получалось дозировать расход энергии вплоть до сотых долей сверхджоуля, а охлаждение предметов и вовсе давалось несравненно легче нагрева, так что я не побоялся переборщить и легким усилием воли заморозил компот, остатки солянки в тарелках и нетронутые макароны по-флотски у соседей веснушчатого балбеса.

— Вы только гляньте! — объявил я после этого во всеуслышание. — И снова! Чудны дела твои, господи!

Лица сидевших за столом парней вытянулись, а я еще и попросил Матвея присмотреть за ними, прежде чем отошел к столу наставников. Там выяснил имя хулигана, заодно справился и насчет его товарищей. Записывать что-либо не возникло нужды: все же с техникой «Дворца памяти» у меня наблюдались заметные подвижки. Не забуду никого совершенно точно.

К концу дежурства я самым натуральным образом упрел и ощущал себя вареным овощем, до того вымотался. Хотелось сейчас лишь одного: засесть в каком-нибудь питейном заведении, полупустом и тихом в силу летних каникул, пропустить там пару кружек холодного пива, светлого и чуть горьковатого, освежающего.

Карл именно это и предложил, но, увы-увы, меня ждали на военной кафедре. Да и вообще...

— Говорю же: на пик витка сегодня выводить будут! — напомнил я. — Какое мне пиво?

Здоровяк снял соломенную шляпу и протер бритую наголо макушку носовым платком.

— Пьер, на такой жаре кружка пива за полчаса выходит!
Научный факт!

— Не, — мотнул я головой. — И без того какой-нибудь гадостью накормят, не стоит лишнюю нагрузку на почки и печень давать.

— Вот ты скучный! — фыркнул Ян. — Да пошли! Один раз живем!

— Мне в любом случае еще отчет писать, — отмахнулся я и спросил: — Матвей, ты же на военную кафедру сейчас?

— Ага.

Я попрощался со студентами, пообещав вырваться на вечернюю тренировку, и на пару с бывшим сослуживцем потопал по территории студенческого городка. Солнце жарило просто немилосердно, рубашка на спине вмиг промокла от пота, а легкий ветерок облегчения не приносил, скорее уж наоборот. Мало того что воздух гнал сухой и горячий, так еще от песка приходилось отплеиваться.

Восстановление сгоревших в ходе недавних событий учебных корпусов шло полным ходом, а какая стройка без пыли?

Пока шли, повстречали два патруля студенческой дружины, да и при входе на военную кафедру теперь дежурил не одинокий старшекурсник с красной нарукавной повязкой, а трое аспирантов в полной боевой выкладке — у всех помимо оружия при себе имелись еще и подсумки с противогазами. К обеспечению безопасности стали относиться куда серьезней прежнего: пусть караульные нас и знали, все же потребовали предъявить служебные удостоверения, тогда только разрешили пройти внутрь.

Матвей сразу отправился на встречу с куратором, я же занял один из свободных столов, наскоро набросал докладную о сегодняшнем инциденте и только после этого заглянул к уже освободившемуся Василию Архиповичу.

— Разрешите?

— Заходи-заходи! — улыбнулся мужчина средних лет, сложением больше походивший не на институтского преподавателя, а на тяжелоатлета или борца; воротник сорочки на его бычьей шее попросту не сходился. — Ну, рассказывай, что ты там за представление устроил.

Я опустил на стул для посетителей и выложил на стол докладную.

— Сообщили уже?

— А то как же! — усмехнулся Василий Архипович и развернул к себе принесенный мной листок. — Солидарная ответственность, значит? — уточнил он пару минут спустя.

— Так точно! — подтвердил я. — Записью в личном деле никого не напугать, они там все уникальные и неповторимые, а вот без обеда остаться — это серьезно. Теперь десять раз подумают, стоит ли со сверхспособностями хулиганить.

— Приемлемо, — буркнул хозяин кабинета, — но давай на будущее без самодеятельности. По протоколу действуй, хорошо?

— Как скажете.

Василий Архипович смерил меня пристальным взглядом, откинулся на спинку кресла и хрустнул костяшками пальцев.

— Ну что — готов на начальника караула экзамен сдавать?

— Всегда готов, — ответил я девизом скаутов и сразу поправился: — Если только не завтра. На завтра планы.

— Воскресенье — это святое, — успокоил меня собеседник. — В понедельник на дежурство тебя ставить не будут, подходи сюда к восьми.

— А что сдавать-то? — озадачился я, поскольку ни о какой аттестации до сего дня и речи не шло. — Не готовился даже...

— И не надо. Физическую подготовку и практику тебе уже зачили, общая часть точно проблем не вызовет, а спецдисциплины и без всяких экзаменов должны от зубов отскакивать. Поблажек не дам, и не надейся.

— Кто бы сомневался. — Я с тяжким вздохом поднялся со стула и уточнил: — Свободен?

— Да, иди.

Я покинул кабинет, спустился на первый этаж и столкнулся там с Вениамином Мельником.

— О, Петя! — протянул мне руку аспирант, пиджак которого отмечала розетка солдатского креста. — Завтра ждем тебя в клубе, приходи в обязательном порядке.

— Завтра? — Я покачал головой. — Не, другие планы на день.

— Приходи-приходи! — повторил Вениамин. — И Лию приводи. Вы же на танцы вечером собрались? Вот перед ними и зайдете на собрание.

— Все-то ты знаешь, — усмехнулся я.

— Инга рассказала.

— Ладно, придем, — пообещал я, попрощался с аспирантом и двинулся на выход.

Если начистоту, идти на заседание актива военной кафедры нисколько не хотелось. И дело было вовсе не в какой-то там обиде из-за того, что вместо солдатского креста меня наградили медалью «За храбрость» — ничего не попишешь, как лицу гражданскому на большее рассчитывать не приходилось, — просто... Ну лето же на дворе! Лето! Какой интерес, скажите на милость, в душном помещении заседать?

Но деваться некуда, придется идти. Обязательства, так их разэдак!

Покинув корпус, я, к своему немалому удивлению, наткнулся на Матвея. Тот поджидал меня, сидя на лавочке.

— По кружке пива? — предложил громила.

— Не, — мотнул я головой. — Процедуры.

— Тогда квас пей. А я — по пиву. Жарко!

Этим своим категоричным заявлением Матвей меня изрядно удивил, но я в любом случае собирался идти обедать, так что от вопросов воздержался и кивнул.

— Лады.

У нас обоих имелись талоны на питание, вот и пошли в студенческую столовую, благо в летние каникулы там обходилось без привычных для учебного года очередей. Мой товарищ заставил поднос тарелками, я же позволить себе набить желудок попросту не мог и ограничился перловкой с подливой, паровой котлетой и стаканом компота.

— То-то, смотрю, ты снова с лица спал! — не преминул отметить Матвей. — Так совсем похудеешь скоро.

— Ты чего сочиняешь? — возмутился я. — Пять пудов на последнем взвешивании было! Меня родные на снимках узнавать перестали! Лицо в фотокарточку не помещается!

— Скажешь тоже!

— Да серьезно!

— И ты вот этим наешься?

Я вздохнул.

— Нет, конечно. Но меня наверняка после процедур вернет, так какой смысл продукты переводить?

— Делать тебе нечего, — покачал головой Матвей. — Дошел бы до пика румба, как все нормальные люди, так нет же — выше головы прыгнуть решил. И на кой?

— Я — перфекционист.

— Кто?!

— Хочу выжать из ситуации все возможное.

— Смотри, как бы пупок не развязался.

— Типун тебе на язык!

Так вот и пообедали, а после заглянули в буфет. Матвей попросил налить пару кружек пива, я взял себе кваса.

— Какие новости? — поинтересовался у товарища, охладив наши напитки до оптимальной температуры.

— Момент! — Тот выставил перед собой указательный палец, взял кружку и в один присест ее осушил, после шумно выдохнул и вытер губы тыльной стороной ладони. — Хорошо!

Я отхлебнул кваса и кивнул.

— Неплохо, да.

— Мы с Варькой пожениться решили, — сообщил Матвей. — Распишемся в конце месяца.

— Ну ничего себе! — поразился я. — Вот вы даете!

— А чего резину тянуть? — пожал плечами здоровяк. — Взводный обещал комнату выделить в общежитии, а как ребенок родится, в коммуналку переедем. Через годик и отдельную квартиру выьем, думаю.

Я уставился на товарища во все глаза.

— Подожди-подожди! Так Варька в положении?!

Матвей кивнул:

— Ну так!

— Вот вы быстрые!

Здоровяк приложился ко второй кружке и заявил:

— Много гостей собирать не будем, но ты обязательно приходи. Уже ближе к делу с местом и временем определимся.

Я поскреб затылок и пообещал:

— Приду. Только я не один.

— О чем речь! Девчонку свою тоже приводит. Сами-то жениться еще не собираетесь?

— Даже как-то не думал об этом, — признался я.

— И зря. — Матвей допил пиво и хлопнул меня по плечу. — Ладно, побегу!

Я тоже задерживаться в буфете не стал. Достал карманные часы, глянул на циферблат и поспешил в первую лабораторию. У соседнего корпуса навстречу попала шумная компания студентов, у многих помимо традиционных значков с символикой РИИФС и цифровым обозначением номеров витков и румбов, на рубашках алели еще и стилизованные изображения костра. Такими памятными знаками ректорат отметил тех, кто отличился при отражении нападения на студгородок или принимал участие в тушении пожаров и оказании первой помощи раненым.

На входе в лабораторный корпус не обошлось без проверки документов, еще и в списке посетителей мою фамилию выискивали, прежде чем пропустить, будто не каждый день сюда наведываюсь. На подземном уровне вооруженную до зубов охрану и вовсе усилили оператором из аналитического дивизиона ОНКОР. Там я, не дожидаясь особого распоряжения, выложил в деревянный ящичек выкидной нож и не удержался от досадливой гримасы, когда ворохом колючих помех пробежалось по коже сверхэнергетическое воздействие.

Не иначе стажера поставили опыта набираться, очень уж неряшливо сработал. А еще высшее образование у человека, поди...

Но делать замечания оператору я не стал, прошел в лабораторию и двинулся напрямик в раздевалку. Завернулся там в простыню, всунул ноги в шлепанцы и знакомой дорогой отправился в процедурный кабинет. По мере приближения к пику витка травяные сборы, парилки и массаж в значительной степени утратили свою эффективность, продвинуть меня к верхней суперпозиции они не могли, вот и пришел черед передовой медицинской химии.

Я понятия не имел, какие мне назначили препараты, только назвался, и медсестра сверилась со списком, вручила две пилюли и стаканчик воды, после велела располагаться на ку-

шетке. Вот на этой кушетке следующие десять минут и пролежал под капельницей.

Мало-помалу мир сделался четким и ясным, показалось даже, что при желании легко смогу прикоснуться к растворенной в пространстве сверхэнергии; просто возьму и дотронусь до нее пальцами. Иллюзия, конечно, но забавная. И еще в голове тихо-тихо начала отдаваться пульсация Эпицентра. Какая бы химия сейчас ни текла по моим венам, чувствительность она подняла самым решительным образом, пришлось даже задействовать алхимическую печь и полностью сжечь весь внутренний потенциал. Иначе никакое заземление не помогло бы отрешиться от сверхэнергетических возмущений, порождаемых другими операторами.

Когда из руки выдернули иглу и наложили повязку, я на пробу уселся на кушетке, но никакого дискомфорта не испытал, тогда спокойно поднялся на ноги. Кинул взгляд на настенные часы и двинулся на поиски Леопольда. Тот отыскался в комнатухе, которую делил с тремя другими аспирантами, при моем появлении сразу поднялся из-за стола и уточнил:

— Готов?

— Да, уже прокапался, — указал я на повязку.

— Тогда идем.

Прежде мне доводилось бывать лишь на двух нижних ярусах, сегодня спустились еще ниже. Ничего особенно примечательного там не обнаружилось — помещение и помещение, круглое в основании и с куполообразным потолком. Когда вышел в его центр, будто посреди арены шапито очутился. Стены оказались облицованы знакомыми уже соляными блоками, под ногами белели они же. Всего оборудования — цинковка. Даже освещения не было, лишь из коридора вырывались отсветы ламп.

— Держи!

Леопольд протянул мне мензурку с опостылевшими за последнее время студнеобразными грибами. Я выдохнул, задержал дыхание и влил в себя мерзкую белую жижу. В живот будто дробленный лед скользнул, горло перехватило, даже закашлялся.

— Ух! — выдохнул я, отплеываясь. — Раньше так не цепляло!

— Раньше тебе финальную секунду нарастить не нужно было, — заявил лаборант, забрал пустую склянку и предупредил: — Как будешь готов, входи в резонанс. Можешь не торопиться, подготовься нормально.

Подготовься? Да как вообще можно подготовиться к шквалу энергии, интенсивность которого станет расти в геометрической прогрессии от сорока четырех тысяч сверхджоулей на первой секунде до трех миллионов на финальной семьдесят третьей? Вот как, а?!

Я раздраженно мотнул головой, и окружающая реальность отреагировала на это движение с заметным опозданием — явно стали подводить органы чувств, а то и нервная система. Пришлось опуститься на циновку и погрузиться в медитацию, попытаться отыскать состояние равновесия, найти баланс между дарованной препаратами чувствительностью к сверхэнергетическим проявлениям и вызванной приемом грибов восприимчивостью к ним же.

Сейчас я был способен работать с расширенным диапазоном сверхсилы и мог пропускать через себя более интенсивные потоки энергии, но это обстоятельство не только усиливало возможности, но и заметно усложняло удержание их под контролем. Пусть ничего принципиально нового делать и не требовалось, вот только...

Тут я взял себя в руки и задавил сомнения в зародыше, выровнял дыхание, мягким усилием воли погрузил сознание в поверхностный транс. Отрешиться от пульсации в голове удалось далеко не сразу, но постепенно связь с Эпицентром все же перестала отбивать ритм пульсацией-метрономом.

Когда Леопольд притворил за собой дверь, оставив меня в полнейшей темноте, я не потянул в себя сверхсилу, как обычно, чтобы после закрутить призрачным волчком, просто вдохнул и скользнул в резонанс. Помехой не стало даже отсутствие каких-либо источников освещения, сгустки призрачного сияния возникли из ниоткуда и понеслись надо мной стремительным хороводом, чтобы миг спустя замереть в эффекте стробоскопа.

Тогда-то и накрыло. В легких будто лопнул пузырь с ледяной водой, и я начал захлебываться, но тут же опомнился и обуздал вышедшие из-под контроля сверхспособности, принялся разгонять энергию по организму и выравнивать внутренний потенциал. Поначалу это не вызывало никаких сложностей, но по мере увеличения пропускной способности входящего канала меня стало потряхивать, пальцы задрожали, начали посверкивать в темноте голубые искорки электрических разрядов.

Но это ерунда, дело привычное. Всего ничего продержаться остается...

Подумал так — и в тот же миг отодвинувшиеся куда-то на задний план, но окончательно не пропавшие огни вдруг потеряли неподвижность, сорвались с места и стремительно крутанулись, только теперь уже не вокруг меня. Я перестал быть центром мироздания, осью вселенной, сместился куда-то на периферию, и центробежная сила толкнула — плавно, только не сказать, что совсем уж мягко. Так и покатился кубарем!

В стену не врезался, распластался на полу в шаге от нее. Вбитые на тренировках рефлексy помогли сгруппироваться, и обошлось без ушибов, но внутренний потенциал колыхнулся так, что меня едва не разорвало. Удержать эту прорву энергии даже не попытался, не стал и разжигать алхимическую печь — просто побоялся не успеть, — взял и скинул большую часть сверхсилы в пространство, оставив в запасе лишь три жалких мегаджоуля.

Ха! Жалких! Для оператора девятого витка, прошедшего инициацию на тридцать втором румбе, мой текущий потенциал достигал трети от предельного выхода резонанса.

Мало? Да ничуть!

Но — недостаточно. За последнее время я поднял свой потолок до пятидесяти семи мегаджоулей и должен был довести его сейчас до шестидесяти, если б только все не испортил...

Увы, в том, что достичь суперпозиции не вышло, я нисколько не сомневался.

Что-то пошло не так. Что-то не получилось.

И Леопольд это предположение конечно же подтвердил.

— Такое случается, — попытался утешить он меня. — Все же с тридцать второго румба тебя тянем, удивительно еще, как раньше без осечек обходилось.

— Хочешь сказать, это обычное дело? — уточнил я, зажимая краем простыни нос, из которого потекла кровь.

— Чем больше румбов от оптимума, тем выше риск возникновения побочных эффектов. Хотя тут, конечно, все индивидуально. Возможно, придется твою программу пересмотреть и сосредоточиться на поддерживающей терапии.

Известие это меня несколько не порадовало, вот и уточнил с тяжелым вздохом:

— И насколько это все затянется?

Лаборант развел руками:

— Заведующий отчет только в понедельник увидит. Наверняка захочет консилиум собрать. На все про все точно не меньше недели уйдет.

Я ругнулся в сердцах и отправился в раздевалку, где долго стоял в душевой кабинке под струями холодной воды. Всего так и корежило.

Провалился! Не смог выйти на пик витка, хоть все условия к тому и были созданы. Более того — совершенно непонятно, как теперь все дальше пойдет. Хорошо, если это единичная осечка была, а ну как снова особенности нестандартной инициации свинью подложили? И что тогда? Обратно на тридцать второй румб скатываться?

Не хочу!

А вот чего мне сейчас хотелось, так это расслабиться, поэтому отправился в спортивный комплекс на тренировку по сверхболу. Не могу сказать, будто так уж новым видом спорта увлекся — обратить на него внимание посоветовал Герасим Сутолока, ну и втянулся понемногу, пообещал своему наставнику-теоретику походить на тренировки хотя бы до начала учебного года.

В отличие от йоги сверхбол требовал минимума мыслительной активности и мог сравниться в этом отношении с пинг-понгом. Действие, действие и еще раз действие. Реакция и рефлекс. То, что нужно.

Спортивную одежду я хранил в шкафчике, переоделся и вышел на площадку, где в ожидании начала тренировки разогревались Карл, Ян и Костя. Сверхъестественными воздействиями они направляли друг в друга, перехватывали на лету и запускали обратно тяжеленный каучуковый мяч, но занимались больше для виду, а попутно беззастенчиво глазели на «ведьмочек» из группы поддержки команды кафедры теории резонанса.

Симпатичные длинноногие девчонки в купальниках оседлали метлы и то кружили друг за другом на высоте нескольких метров, то вдруг начинали выписывать какие-то замысловатые фигуры практически высшего пилотажа. Метлы, понятное дело, были исключительно для антуража, все барышни обладали способностью к левитации. На соревнованиях они кружили над стадионом в коротких платьицах, их показательных выступлений зрители ждали ничуть не меньше, нежели, собственно, самих матчей.

С моим появлением студенты бросили валять дурака; мы быстренько расчертили на песке квадрат, вписали в него четыре поменьше, заняли каждый свой, и тогда Карл встрепнулся.

— Да, Пьер! Так тебя можно поздравить? Вышел на пик витка?

Я покачал головой:

— Не получилось.

Меньше всего сейчас мне хотелось выслушивать слова сочувствия, но и не пришлось.

— Бывает, — пожал плечами Карл, вытер пот с макушки и спросил: — Готовы?

— Давай!

Правила игры были предельно просты: требовалось запустить мячом в чужой квадрат, так чтобы он отскочил в аут, а при попадании в собственный перенаправить его кому-нибудь другому. И все это без задействования рук, ног и прочих частей тела, исключительно с помощью сверхспособностей, что при отсутствии интуитивных навыков телекинеза проделать было не так-то и просто.

Карл кинул мяч в центр квадрата и усилием воли отправил его Косте, тот по своему обыкновению отбил спортивный снаряд прямо в воздухе, еще до касания песка, ну и понеслось. Втянулся я не сразу, но разыгрался, разогрелся, начал использовать крученые подачи, которые давались необычайно легко. Я попросту придавал мячу вращение своего внутреннего волчка, и тот отскакивал от земли совершенно непредсказуемым образом, парни заработали не одно штрафное очко, пытаясь его перехватить.

Постепенно начали подходить студенты из секции, молодой тренер-аспирант поглядел на нас и предупредил:

— Доигрывайте и двигайте на поле.

Оно и неудивительно: никто из нашей четверки звезд с небом не хватал, да и занимались мы только второй месяц, все внимание наставник уделял основному составу сборной военной кафедры, которую тренировал. При желании можем весь вечер в «квадрат» резаться. Чем не тренировка?

Тут Ян в очередной раз упустил мой крученый мяч, и тот покатился от площадки к вкопанной в землю лавочке, с которой за нами уже какое-то время наблюдала компания Северянина. Сам он сидел в обнимку с очередной подружкой, обокрасились Слава Бугор, Панкрат Заноза и незнакомый мне долговязый паренек, на вид немногим младше остальных.

А! Этого тоже помню. Один из тех, что с Гошей-покойником в «собачку» играл.

Северянин поставил ногу на подкатившийся к нему мяч и усмехнулся:

— Вот ведь криворукие...

— Сам такой! — огрызнулся Ян, и мяч прыгнул к нему, словно притянутый мощным магнитом кусок железа.

Северянин поднялся с лавочки и предложил:

— Зарубимся в вышибалы?

Ян обернулся и выжидающе глянул на нас.

— Или перетрусили? — хохотнул миглом очутившийся на ногах Панкрат.

— Рот закрой, мелочь пузатая! — осадил шустрого коротышку Карл и заявил: — Я не против.

Мне эта грызня была до одного места, но не поддержать приятелей никак не мог, опять же еще толком не успокоился после фиаско в лаборатории.

— Можно и в вышибалы, — заявил я, хрустнув костяшками.

Костя ничего говорить не стал, лишь поманил наших оппонентов пальцем.

Каучуковый мяч для игры в сверхбол был весьма увесистым, получить таким со всего маху приятного мало, вот в этом и заключался весь смысл игры. Ну а удастся при этом выбить противника за пределы площадки или же попросту выбить из него дух — значения уже не имело.

Северянину со товарищи повторного приглашения не потребовалось, мы быстро разметили поле, и Ян без промедления запустил мяч в Славу. Спортивный снаряд прогудел подобно пушечному ядру, но замер сантиметрах в тридцати от лица крепыша. Бугор развел руки, красуясь перед товарищами, впрочем, затягивать представление не стал и почти сразу контратаковал.

Поначалу вроде бы метил в Карла, а уже над разделительной чертой мяч словно натолкнулся на незримую преграду и отскочил в меня, до предела при этом ускорившись. Среагировал я самым естественным для себя образом: поставил блок, задействовав технику закрытой руки. Удара вовсе не почувствовал, но Слава восторженно заорал:

— Есть!

Он растопырил пятерню, и Панкрат немедленно по ней хлопнул, вот этим моментом я и воспользовался, даже не попытался остановить вращение мяча, который усилием воли подвесил перед собой, и передал ему импульс — такой, что каучуковый шар немного деформировался при этом.

Свистнул воздух, коротышка задействовал сверхспособности, да только самую малость замешкался, еще и не учел вращение мяча, и тот отрикошетил в долговязого паренька, который ничего подобного не ожидал и едва успел пригнуться. Спортивный снаряд улетел в аут.

— Не обделался, часом? — издевательски крикнул Ян.

Стоявший во второй линии Северянин недовольно поморщился и потребовал:

— Аккуратней! Не отвлекаемся, прикрываем друг друга!

Я считал это распоряжение пустым трепом, но очень скоро убедился в собственной ошибке. Против нас вышла сыгранная команда, ну а мы были каждый сам по себе. Карл попытался взять на себя роль координатора, но такие моменты нарабатываются не день и не два, а ментальное взаимодействие спасти ситуацию не могло по той простой причине, что я в любом случае из общей схемы выпадал. Да и Карл с Костей в этом плане не блистали, только отвлекались бы.

Понемногу Северянин со товарищи начали доминировать даже на нашей половине площадки, и если мы с Карлом смягчали удары, задействуя технику закрытой руки, а Костю выручали навыки боксера, то Яну пришлось лихо. Прилетало ему пару раз — будь здоров, еле на ноги поднимался.

Противник этот момент учел и перестроил игру, избрав главной целью нашего вихрастого товарища, а когда мы начали прикрывать его, вновь изменил тактику и стал подавливать на ошибках остальных. Еще и зрители набежали, принялись сыпать комментариями, свистеть и смеяться невпопад.

Ну, невпопад — это для нас...

Тут-то я и поймал себя на том, что вместо душевного успокоения захожусь пуще прежнего. Остановить игру, признать поражение, никак нельзя — репутация на кону, а выиграть или хотя бы даже свести матч к ничьей шансов не было ни малейших. Единственный вариант — перейти к более привычному противостоянию.

Мысль эта показалась вполне разумной, и, когда Слава решил в очередной раз покрасоваться и, раскинув руки, вознамерился остановить пущенный с нашей стороны мяч сантиметрах в тридцати от головы, я поддался искушению и нарушил правило, которое запрещало оперировать сверхсилой в зоне противника, незаметно для остальных воздействие Бугра нейтрализовал.

Спортивный снаряд лишь самую малость замедлился, а потом раздалось столь сочное «шмяк!», что даже возникло опасение, не перестарался ли. Голова крепыша мотнулась, его

повело в сторону, вот и не устоял на подкосившихся ногах и уселся задом на песок. Только этого было мало.

— Какие-то вы слишком нежные, девочки! — заявил я, подступив вплотную к разделительной черте.

Едва ли кто-то из зрителей устоял бы на ногах после подобного удара мячом по голове, но эта немудреная остроота много кого рассмешила, и долговязый приятель Северянина, разгоряченный и нервный, поддался импульсу и двинул кулаком мне в лицо.

Точнее — попытался сделать это. Я привычно сместился в сторону, перехватил его запястье и откинулся назад, не забыв поставить подножку. Паренек заскочил на нашу территорию, налетел на прямой Кости и прилег на песок отдохнуть.

— Два — ноль! — заорал Ян, из расквашенной мячом губы которого сочилась кровь. — Сосунки!

Панкрат Заноза неожиданно шустро ринулся на меня; я пинком в бедро остановил его рывок и сразу отступил, опасаясь атаки со стороны Северянина, но того уже оттянул на себя Карл, а коротышку взял в оборот Костя. С земли поднялся Бугор, а только я шагнул к нему, намереваясь повалить обратно, как прозвучала пронзительная трель свистка и прибежали дружинники.

— Прекратить безобразие! — заорал звеньевой. — Кто начал драку?!

Я развел руками:

— Какое безобразие? Какая драка? Вы чего в тренировочный процесс вмешиваетесь?

У старшекурсника чуть глаз от изумления не выпал.

— Чего-о-о?!

Я указал на частично уцелевшие полосы на песке и пояснил:

— Это спортивная площадка. А у нас идет тренировка по двоеборью. Сверхбол и рукопашный бой. Четыре на четыре. Все по-честному.

— А...

— Рукопашный бой без задействования сверхспособностей, — добавил я и обратился за поддержкой к зрителям: — Так ведь?

Свидетелей, готовых подтвердить мои слова, нашлось предостаточно, и дружинники в итоге отстали, но далеко не ушли, начали за нами следить.

— А кто выиграл? — спросила вдруг симпатичная брюнеточка из числа зрителей.

— Переигровка будет, — мрачно объявил Карл.

Северянин кивнул:

— Всенепременно.

На том и разошлись, благо особо помять друг друга не успели.

Костя подхватил мяч и спросил:

— Ну что — на поле?

Ян закатил глаза:

— Какое еще поле, ты чего? Идем в кабак!

Мы и пошли. Сели на летней веранде студенческого кафе «Под пальмой», заказали сразу по две кружки светлого пива, дабы лишний раз официантку туда-сюда не гонять, расслабились. Разве что поначалу повздыхали, когда Карл заметил:

— Эх, Николя бы точно не упустил шанса этим прохвостам по мордям надавать!

Это да — Коля был не дурак подраться, но чего уж теперь?

Выпили за него, после уже просто пили. Ну а почему бы и нет? В Новинск какой-то модный театр из столицы с гастролями приехал, Лия только два билета достать сумела, вот и пошла на спектакль с Ингой. А какой мне смысл одному в квартире куковать? Никакого...

ГЛАВА 2

Утром разбудил Миша Попович. Изначально я намеревался позаимствовать у соседа будильник, но у того тоже оказались планы на воскресенье, он и сам встал ни свет ни заря.

— Куда собрался? — поинтересовался я на кухне, оторвав от календаря листок «5 августа».

— Милена пропуск к Эпицентру выбила, мотанемся одну идейку проверить, — пояснил Нигилист, усилием воли разогревая чайник.

— Круто!

Миша вздохнул и как-то очень уж озадаченно поскреб за-тылок.

— Круто, — признал он, — только понять не могу, зачем ей это надо. Я ж в теории полный ноль! Все мои идеи — детский лепет, попытка изобрести велосипед!

— Скажешь тоже!

— Именно. Я ж в теоретическом плане пока только по самым вершкам пробежался!

Я налил себе заварки, добавил кипятка и усмехнулся.

— Милене просто умные молодые люди нравятся. А ты институтских зубрил видел? Задохлики! Глаз не на ком останавливать.

И шуткой это заявление было лишь отчасти: пусть сам Попович особой крепостью сложения отнюдь не отличался, но после полугодового курса в комендатуре мог дать фору большинству студентов.

— Ну тебя! — отмахнулся он. — Даже если так, есть куда более легкие способы меня до своего уровня подтянуть, чем пропуск к Эпицентру выбивать. Думаешь, это так просто?

Я точно знал, что согласование такого рода поездок обычно занимает не один день, и пусть даже Милена имела некое отношение к аналитическому дивизиону ОНКОР, рядовому сотруднику без внятного обоснования подобную инициативу зарубили бы на корню.

— Свежий взгляд, — сказал я после недолгих раздумий. — Сам говоришь — теорию ты знаешь поверхностно, поэтому не зашорен. Как пить дать, что-то ей в твоих рассуждениях интересным показалось. А что именно, не говорит, не желая к общепринятым выводам подталкивать.

— Мне б твое воображение, Петя! — вздохнул Миша и махнул рукой. — Ладно, у тебя-то со щитом как дела обстоят? Научился стабилизировать?

Цилиндрический полог сверхэнергии малой интенсивности мы разработали совместными усилиями; для абсолютного большинства операторов создание подобной конструкции никакого практического смысла не имело, а вот мне позволяло гасить кинетическую энергию пуль решительно любого ка-

либра. В момент пробития преграды они делались заметными для моего урезанного ясновидения, нейтрализовать после этого кинетическую энергию было уже делом техники.

— Завтра сдавать буду, — сказал я.

— Расскажешь потом, как пройдет. Мы только в среду вернемся.

— Само собой.

Засиживаться на кухне я не стал, быстро позавтракал, натянул короткие прогулочные штаны и рубаху-поло да и поспешил в пункт проката. Взял велосипед со вторым сиденьем, закрепленным на раме, заплатил за день и покатил к студгородку. Приехал заранее и успел не только наполнить квасом бидон в соседней палатке, но и осушить кружку, прежде чем появилась Лия.

Барышня выпорхнула из проходной в легоньком сарафанчике выше колен и косынке; я даже засмотрелся на ее загорелые ноги.

— Петя, привет!

— Привет!

Мы поцеловались, ничуть не смущаясь взглядами случайных прохожих, бидон повесили на руль, корзинку и свернутые валиками полотенца закрепили сзади на багажнике. Лия разместилась на дополнительном сиденье боком, по-дамски, одной рукой ухватилась за руль, другой обняла меня, и — помчали!

Сначала потряхивало на неровной брусчатке, затем пришлось огибать ямы и выбоины на проезжей части, но ерунда — катались за город таким макаром не первый раз, сложностей с управлением не возникло. Пока ехали по улицам Новинска, я внимательно следил за дорожным движением и на разговоры не отвлекался, да и Лию занимало преимущественно то, как бы не дать взлететь под порывами встречного ветра подолу сарафана. Ну а потом городские окраины остались позади, и мы выехали в поле. Повеяло зноем и ароматом высушенных солнцем трав, в небе закружили птицы.

— Инга предупредила, что нас на собрании актива военной кафедры ждут, — сказала Лия, когда я отвернул от трам-

вайной линии, уходявшей к лодочной станции, и покатил вдоль опушки соснового бора.

— Ты не против? — уточнил я.

— Нет, конечно! — уверила меня барышня. — Я же там почти всех знаю!

И в самом деле — мало того что Инга и Вениамин ее своим товарищам давным-давно представили, так и сама Лия на военную кафедру в июне перевелась, а с ее общительным характером перезнакомиться со всеми за месяц ничего не стоило.

— Потом, как и договаривались, в горсад на танцы пойдем, — добавил я.

— А кто будет?

— Василь с Машей, Лев с Софьей. Антон, даже не знаю, кого на этот раз приведет.

Лия рассмеялась:

— А твой сосед?

— Нет, они с Миленой к Эпицентру уезжают. Какие-то у них там дела.

Не полагаясь на сверхспособности, я размеренно крутил педали, разве что слегка уменьшил силу тяжести, когда колеса начали скакать на толстенных сосновых корнях. Какое-то время мы ехали под сенью высоченных деревьев, потом вновь выскочили на открытое пространство, помчали от перелеска к перелеску вдоль берега водохранилища, удаляясь от лодочной станции и забираясь в совсем уж глухие места.

Утреннее солнышко давненько поднялось над горизонтом и ощутимо припекало, но доносившийся от воды прохладный ветерок освежал и не давал окончательно упресть. Мы скатились в низинку, сплошь усыпанную цветками иван-чая, проехали по накатанной тропинке и не повернули вслед за ней к берегу, начали пробираться по целине. Высокие травы вскоре сменились зарослями ивняка, и после недолгого лавирования меж деревьев нам открылся небольшой дикий пляж — песчаная прогалина, окруженная со всех сторон непролазными зарослями. Еще и длинные языки камыша образовывали бухточку — место было укромней не придумаешь.

— А рядом точно никого? — засомневалась Лия, когда я снял бидон с руля и установил его на песок.

Мой внутренний потенциал был набран в противофазе, так что я просто ослабил заземление — и ничего. Никаких энергетических аномалий, за исключением заряда спутницы, почувствовать не удалось. Впрочем, это еще ни о чем не говорило, поскольку находиться поблизости могли не операторы, а самые обычные люди.

Лия расстелила на песке полотенце, поставила на него корзинку и сняла косынку, а я задействовал активный поиск — выплеснул из себя немного сверхсилы, заставил разойтись ее вокруг нас, будто волну от брошенного в воду камня. И снова — ни малейшего отклика.

— Нет тут никого, — заявил я. — Метров за триста — четырехста ручаюсь.

— А я твоё воздействие почувствовала! — заявила Лия и наморщила вздернутый носик. — Могла бы закрыться!

Я снисходительно усмехнулся и чмокнул девчонку в лоб.

— Это я присутствие обычных людей выявлял. Если бы до того операторов ощутил, не стал бы активный поиск задействовать.

— Поверю на слово, — улыбнулась Лия и взялась за сарафанчик, но только приподняла его подол и тут же вновь опустила. — Ой, Петя, я купальник надеть забыла! — захлопала она глазами.

При одной мысли о том, как Лия в своем коротеньком платьице ехала без нижнего белья через весь город, у меня едва челюсть не отвисла, а барышня рассмеялась, миг избавилась от сарафана, развернулась и помчалась к воде, сверкая своим не столь уж и белым задом — загорать голышом мы сюда выбирались далеко не первый раз.

Я миг любовался открывшимся видом, потом сбросил оцепенение, разделся и побежал следом. Влетел в теплую воду, нырнул, поплыл вдогонку за барышней. Настиг уже на глубине, там рукам волю давать не стал, обнял подружку, лишь когда, вдоволь наплававшись, вернулись на мелководье.

Мы довольно долго так и барахтались, а потом Лия высвободилась и выбежала на берег, растянулась на горячем песке. Я последовал за ней и лег сверху, но барышня мигом спихнула меня, еще и попеняла:

— Ну, Петя, ты чего? Не на улице же! Это неприлично!

— А голышом загорать — прилично? — улыбнулся я.

— Не путай нудизм со всякими непотребствами! — парировала Лия, глянула на меня и хихикнула. — Хотя в твоём случае разницы действительно никакой!

Я фыркнул и перевернулся на живот, девчонка аж затряслась от смеха.

— А другие пловчихи твоему загару не удивляются? — поинтересовался я после недолгого молчания.

— Не-а, — мотнула она головой. — У нас там все бесстыжие!

Я не удержался, провел ладонью по ее спине от шеи до копчика и сказал:

— Лучшее лето в моей жизни!

Лия заинтересованно приподнялась на локтях, перехватила мой взгляд и прикрыла грудь рукой.

— И почему же?

— Ты еще спрашиваешь?

— Ну в самом деле, Петя! Что изменилось-то? Мы и раньше дружили...

— Кто-то плохо себя ведет, — заметил я и в шутку пригрозил: — Кого-то придется отшлепать.

Лия поелозила на песке и глянула с хитрым прищуром.

— Если только вечером.

— Ловлю на слове.

— Да, Петя! — встрепенулась барышня. — У тебя же вчера последняя процедура была! И как тебе на пике витка?

— Оказалось, не последняя, — вздохнул я. — Не смог продолжительность резонанса нарастить. Не вышло.

— Ой, мне так жаль...

— Да брось! — отмахнулся я. — Расскажи лучше, у тебя как дела.

Помимо подготовительного курса собственно военной кафедры, Лия продолжала посещать плавание, йогу, сават и групповые занятия пирокинетиков, организованные Герасимом Сутолокой, у которого занимался и я, только индивидуально.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДЕВИАЦИЯ	5
Часть вторая. МОБИЛИЗАЦИЯ	154